

Т е м а н о м е р а : С о в р е м е н н о е российское приграничье

П о л и т и ч е с к и е п а р т и и и социально-политическое развитие приграничных регионов РФ: опыт непосредственного наблюдения

Подъячев Кирилл Викторович – кандидат политических наук, научный сотрудник сектора по изучению социокультурного развития регионов России Институт социологии РАН, Москва

E-mail: kirvik@bk.ru

Политические партии и социально-политическое развитие приграничных регионов РФ: опыт непосредственного наблюдения

Аннотация

В статье¹ излагаются результаты исследования, проведённого в мае–июле 2014 г. в трёх приграничных областях России: Смоленской, Псковской и Курской. В фокусе внимания автора – деятельность политических партий и общественных движений в указанных регионах, их взаимодействие с региональными и муниципальными властями, особенности политического поведения жителей, трансграничное сотрудничество. В качестве основных методов исследования использованы визуальное наблюдение и глубинное интервью, а также анализ веб-сайтов, местных СМИ, нормативных документов. В статье показано, что основным фактором, определяющим жизнь местных сообществ, являются локальные акторы – авторитетные на местах люди, чья деятельность, как правило, не связана непосредственно с политикой. Именно в участии локальных акторов в деятельности политических партий автор видит причину успехов партий на выборах. Этим же обусловлено и то, что политические партии и общественные движения ведут весьма активную деятельность, однако в публичном пространстве представлены незначительно. По мнению автора, локальные акторы, обеспечивающие партиям электоральные результаты, сами используют партии в интересах собственных проектов и не тратят силы на их рекламу вне предвыборных кампаний. Автор обращает внимание и на тот факт, что образ провинции, формируемый центральными СМИ и блогосферой, абсолютно не соответствует реальному положению вещей. Даже не в областных центрах, а в районах и поселениях, несмотря на незначительность финансовых ресурсов, существует весьма активная социальная жизнь. Но эта бурная деятельность, как правило, обращена не в политическую, а в культурно-образовательную сферу. Также в статье рассматриваются особенности трансграничного сотрудничества. По итогам исследования автор приходит к выводу о том, что говорить о существовании российского приграничья как особого кластера пока не приходится: приграничное положение жителями пока не осознано и в их политическом поведении не отображается.

Ключевые слова: Россия, приграничные регионы, политология, политическая социология, политические партии, гражданское общество, трансграничное сотрудничество, местные сообщества

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ (грант № 13-06-00314А «Государственное и муниципальное управление: обратная связь власти и общества»).

Происходящие в последнее время события: распад Украины, присоединение Крыма, конфронтация с США снова пробудили интерес к двум почти уже забытым темам: патриотизму и обороноспособности. Об этом стали регулярно говорить руководители государства, лидеры политических партий, эксперты и публицисты. Применительно к предмету наших исследований (социально-политическое и социокультурное развитие регионов России) эти темы заставляют обратить внимание на российское приграничье – регионы, расположенные непосредственно у государственной границы Российской Федерации.

Наша выборка включала три региона – Псковскую, Смоленскую и Курскую области. Выбор регионов для исследования определялся их характерными особенностями, имеющими значение для наших изысканий.

Псковская область граничит непосредственно с государствами-членами Евросоюза и НАТО – Эстонией и Латвией. И, хотя она не относится к «старому приграничью» (регионы, где проходила государственная граница СССР), её пограничный статус имеет глубочайшие исторические корни. Территория, ныне относящаяся к Псковской области, была пограничной областью Руси с древнейших времён до 1721 г., здесь же проходила государственная граница Советской России в период 1918–1940 гг.

Смоленская область граничит с Республикой Беларусь – наиболее дружественным России государством, членом Евразийского союза, на границе с которым даже нет контрольно-пропускных пунктов. Вместе с тем исторически Смоленщина всегда считалась форпостом России: со времени присоединения Смоленска к Московскому государству в 1514 г.^{1*} город всегда вставал на пути агрессоров. Даже после 1772 г., когда государственная граница прошла далеко к западу, именно на смоленской земле разыгрались крупнейшие сражения и в 1812, и в 1941 гг.

Курская область граничит с Украиной. Украинскую границу в этом месте отделяет от Москвы около 500 км, что, с учётом нынешней напряжённости в отношениях, создаёт в данном регионе серьёзные риски и вынуждает обратить внимание на оборонную составляющую. Кроме того, именно в Курской области расположен ключевой объект экспортной инфраструктуры ОАО «Газпром» – Суджанская газораспределительная станция, на которую всегда устремляются телевизионные репортёры, как только возникают затруднения с поставками российского газа на Украину и в Европу. Потому, хотя эпицентр конфликта (Донбасс) расположен достаточно далеко оттуда, влияние украинского кризиса ощущается там весьма остро.

¹ В августе сего года исполнилось 500 лет этому историческому событию.

В качестве основных методов исследования мы использовали визуальное наблюдение в соответствии с принципами «третьей социологии» [Штомпка 2009: 6] и глубинные интервью с представителями администрации, политических партий и общественности. Визуальное наблюдение в нашем случае даёт очень значимый материал для научного анализа. Проведённые нами ранее исследования в регионах показали, что если основываться только на анализе СМИ и веб-сайтов, не посещая регионы и не наблюдая жизнь локальностей непосредственно, можно прийти к ошибочным выводам. Визуальное наблюдение позволяет существенно скорректировать данные, полученные иными методами.

Глубинное интервью гораздо ближе целям нашего исследования, нежели массовый опрос. Поскольку нас интересуют определённые аспекты жизни регионов, нам важно мнение компетентных людей, непосредственно задействованных в соответствующих сферах жизнедеятельности: будь то сельское хозяйство, партийное строительство, социальные движения, электоральный процесс, образование или культура. Кроме того, формат интервью позволяет корректировать вопросы в ходе беседы, задавать наводящие, уточняющие вопросы и т. д. Особенностью нашего метода является и то, что мы по возможности общаемся с респондентами непосредственно на их рабочих местах, а не на «нейтральной территории», что позволяет нам совмещать интервью с визуальным анализом и некоторыми элементами включённого наблюдения. Всё это в совокупности даёт возможность получать данные, ускользающие от исследователя в массовых опросах, особенно с вопросами закрытого типа.

В ходе исследования для корректировки полученных данных мы прибегали также к анализу веб-сайтов, местных СМИ, изучению нормативных документов. Опирались и на итоги ранее проведённых нами исследований в других регионах России. Это позволило сделать ряд существенных, на наш взгляд, наблюдений, которые мы изложим в данной статье.

Политическая жизнь изученных регионов кажется весьма насыщенной. В областных законодательных собраниях представлены все парламентские партии, кроме них в Псковской области есть один депутат от партии «Яблоко», а в Смоленской – от Партии пенсионеров.

Единая Россия, однако, везде обладает существенным перевесом. Даже в Смоленской области, где действующий губернатор состоит в другой партии (ЛДПР), фракция Единой России – самая крупная: 36 депутатов из 48. Последнее свидетельствует о некоторой ошибочности представления о роли административного ресурса в региональных избирательных кампаниях.

Политическая жизнь изученных регионов кажется весьма насыщенной. В областных законодательных собраниях представлены все парламентские партии, кроме них в Псковской области есть один депутат от партии «Яблоко», а в Смоленской – от Партии пенсионеров.

Существует тенденция к увеличению разнообразия партийного состава региональных парламентов. Так, ещё в областных законодательных органах предыдущего созыва, полномочия которых закончились только в 2012–13 гг., количество депутатских объединений было меньше. В Смоленской области, например, присутствовали только три партии – Единая Россия, КПРФ, ЛДПР (сегодня к ним добавилась Справедливая Россия); в Псковской области – 4 парламентских партии, а на последних выборах к ним добавилась пятая – Яблоко, хоть и представленная всего одним депутатом. Если обратиться к ещё более раннему времени, можно видеть, что в той же Псковской области в парламенте созыва 2002–07 гг. были представлены только 2 партии – Единая Россия и КПРФ; в Смоленской области в этот же период подавляющее большинство депутатов вообще формально были внепартийны – выдвигались избирателями (хотя позднее примкнули к Единой России). Это ещё раз доказывает наличие тенденции к большему разнообразию партийного состава.

На первый взгляд, эту тенденцию можно было бы связать с протестными выступлениями осени 2011 – весны 2012 гг. и последовавшими затем политическими реформами. Но, по нашему мнению, это не вполне правильно. Во-первых, как можно видеть из приведённого выше примера, число представленных в региональных парламентах партий выросло уже по итогам выборов 2007 г. Во-вторых, в рассмотренных регионах по итогам выборов 2013 г. ни один представитель так называемых «новых» или «несистемных» партий не прошёл в региональный законодательный орган.

Поиск подлинных причин возникновения такой тенденции неизбежно приводит к выводу о слабости методологии, видящей причины любых социально-политических изменений исключительно в институциональных трансформациях, прежде всего нормативно-правового характера [Подъячев 2014: 130].

По мнению практически всех респондентов, которым мы задавали вопрос о причинах электоральных успехов политических партий, главный фактор успеха состоит в привлечении в партию авторитетных в регионе (или на отдельной территории, если речь идёт о мажоритарном округе) людей. Это как раз те люди, которых мы выявляли и в прежних наших исследованиях, определяя как «локальных акторов» [Подъячев 2013: 89] и о которых ещё скажем ниже. Именно их участием в той или иной партии и объясняли респонденты достижения данной партии на выборах. Наибольшее число таких людей состоит в Единой России, плюс в её пользу играет большой авторитет В. Путина, который в глазах большинства населения продолжает ассоциироваться с партией. То, что В. Путин формально в ЕР не состоит, а официально партию возглавляет гораздо менее популярный в регионах Д. Медведев, на электо-

Выявлено наличие тенденции к большему разнообразию партийного состава законодательных органов власти в регионах.

В рассмотренных регионах по итогам выборов 2013 г. ни один представитель так называемых «новых» или «несистемных» партий не прошёл в региональный законодательный орган.

Главный фактор электорального успеха состоит в привлечении в партию авторитетных в регионе или на отдельной территории людей. Наибольшее число таких людей состоит в Единой России.

ральных позициях ЕР не сказывается. Локальные акторы, как можно судить по проведённым интервью с некоторыми из них, видят в Единой России прежде всего возможность наиболее эффективной реализации собственных проектов^{1*}, поскольку партия обладает наиболее мощными ресурсами и связями в федеральном центре.

В пользу КПРФ играет также наличие традиционного электората – в основном людей пожилых, испытывающих сильную ностальгию по СССР, которые голосуют за эту партию, невзирая ни на что.

Что касается других партий – Справедливой России, ЛДПР, и особенно «непарламентских», – то их достижения на выборах в исследуемых регионах, надо полагать, полностью зависят от привлечения в партию так называемых «локальных акторов». За прошедшее время эти партии научились работать с ними; кроме того, появились авторитетные люди, по тем или иным причинам не нашедшие общего языка с Единой Россией, и они вошли в состав партий, позиционирующих себя как оппозиционные. Конечно, для локальных акторов более привлекательны парламентские партии, обладающие большими ресурсами и имеющие определённые лоббистские возможности на федеральном уровне. Однако в тех случаях, когда кто-либо из локальных акторов примыкает к партии непарламентской, её шансы провести в региональный парламент хотя бы одного кандидата резко увеличиваются.

Впрочем, всё сказанное выше можно было бы выяснить и из одного анализа веб-сайтов соответствующих законодательных органов и политических партий. Непосредственное наблюдение на местах позволило выявить ещё одно значимое явление. Все описанные политические партии в рассматриваемых регионах ведут весьма оживлённую деятельность. Самое главное, что по большей части она не связана с узкополитическими, электоральными целями, в большой степени обращена в социально-благотворительную и гуманитарную

¹ Необходимо уточнить, что речь идёт отнюдь не только о бизнес-проектах. Локальные акторы – это далеко не всегда предприниматели. Часто это директора школ, музеев, местных клубов; подчас просто инициативные граждане. Их «проекты» – некоммерческие и часто имеющие большое социальное значение. К примеру, авторитетный, уважаемый директор школы хочет открыть при школе творческий центр. Денег на это ни в районном, ни в областном бюджете нет – и он идёт в Единую Россию, чтобы с её помощью добыть средства в федеральном центре. С таким явлением мы постоянно сталкивались в исследуемых регионах.

сферу. Например, партии активно участвуют в организации спортивных мероприятий, в антинаркотических и антиалкогольных кампаниях, проводят разного рода «культпоходы» и т. п. Особенно в такой деятельности преуспевает ЛДПР. Партии, причём отнюдь не только Единая Россия, активно участвуют и в мероприятиях подобного рода, организованных по инициативе властей. В этом случае об «оппозиционности» и политических разногласиях забывают. Вместе с тем партии участвуют и в протестных акциях, причём, как правило, не являясь их инициаторами. Большая часть протестных акций в регионах носила каузальный характер и первоначально инициировалась внепартийными гражданскими активистами. Представители политических партий однако, присоединялись к ним в процессе, демонстрировали партийную символику, чем способствовали привлечению внимания СМИ к акции, вообще придавали ей некоторый публично-политический характер. Представляется, что участие партий в этом случае было значимым фактором, склонявшим власти к компромиссу с протестующими гражданами. Хотя в подобном «вовлечении» в протестное движение пальму первенства держит КПРФ, другие оппозиционные партии также участвуют, причём подчас одновременно.

Но надо отметить, что описанная выше деятельность мало заметна для стороннего наблюдателя (и, по словам многих наших респондентов, для большинства жителей региона тоже). Вне предвыборных кампаний политические партии словно бы отсутствуют в публичном пространстве. Все они, даже могущественная Единая Россия, не формируют повестку дня, не задают направление публичного дискурса. Тщательное визуальное наблюдение не выявило практически нигде партийной символики, каких-либо агитационных плакатов и т. п. Если в изучаемых нами ранее регионах встречались рекламные щиты ЕР, ЛДПР, то в рассматриваемых приграничных не обнаружили почти ни одного. Все опрошенные респонденты, за исключением самих партийных активистов и работающих с партиями чиновников областных администраций, отвечали отрицательно на вопрос о том, сталкивались ли они в своей работе с политическими партиями. А на локальном уровне партии вообще представлены крайне слабо. Да, в муниципальных собраниях присутствуют представители партий, но их партийная принадлежность почти никак не отражается на их деятельности. На уровне районов, не говоря уже о поселениях, партии часто даже не имеют координаторов. На первый взгляд, учитывая сказанное выше об участии локальных акторов в работе политических партий, это может показаться парадоксальным. Но анализ показывает, что никакого противоречия здесь нет. Локальные акторы приходят в партии ради поддержки своих проектов, которые они реализовывали бы и вне партии. После

Все описанные политические партии в рассматриваемых нами регионах ведут весьма оживлённую деятельность. По большей части она не связана с узкополитическими, электоральными целями, в большой степени обращена в социально-благотворительную и гуманитарную сферу.

выборов они продолжают заниматься прежде всего тем, чем занимались и прежде, уделяя основное внимание своему главному проекту, и у них нет никакого желания дополнительно, вне выборов, рекламировать партию. Узнаваемость партии, её «бренда», и все прочие маркетинговые достижения локальным акторам не нужны – ведь это не они получают известность и авторитет от партии, а наоборот – партия от них¹.

Но надо отметить, что относительная незаметность политических партий (особенно на локальном уровне) вовсе не означает отсутствия социальной активности. В этом плане проведённое исследование полностью подтвердило выводы, сделанные нами ранее, по итогам исследований в других регионах страны [Подъячев 2013]. Образ провинции, особенно удалённой от столиц, формируемый центральными СМИ и, казалось бы, автономной и плюралистичной блогосферой, абсолютно не соответствует реальному положению вещей [Аксёнова 2013]. Рассматривая даже не областные центры, а районы, малые городские и сельские поселения, мы видим, что, несмотря на незначительность финансовых ресурсов, там, как правило, существует весьма активная социальная жизнь. Однако она обращена не в политическую, а в культурно-образовательную сферу и поддерживается теми самими локальными акторами, чья деятельность мотивирована в основном энтузиазмом и чувством патриотизма. Именно локальные акторы, а не институты определяют жизнь местных сообществ – и в рассматриваемых нами приграничных регионах это, при надлежаще организованном наблюдении, видится столь же чётко, как на других, не приграничных, территориях. Особенным успехом в последнее время пользуются мероприятия патриотической направленности. Ярким примером такой деятельности стала акция «Бессмертный полк»², прошедшая во всех изученных регионах в День Победы (акция проходила как в областных центрах, так и в муниципальных районах). Идея её изначально исходила от властей, но была поддержана всеми политическими партиями и общественными движениями. Успех акции превзошёл все ожидания – во всех рассмотренных нами регионах она прошла, можно сказать, с аншлагом: помимо представителей общественных движений, патриотических, ветеранских организаций, тех же политических партий, заранее готовившихся к акции, в мероприятии приняло участие большое количество

¹ Можно заметить, что нечто подобное наблюдаем мы и на федеральном уровне – В. Путин даже не является членом Единой России, но, поддерживая партию, приносит ей едва ли не большую часть голосов на выборах всех уровней, а занятие Д. Медведевым поста председателя партии отнюдь не добавило ему очков.

² Суть акции – жители города приходят на центральную площадь города с увеличенными фотографиями своих родственников – участников Великой Отечественной войны, и шествием проходят по улицам.

жителей. Успех проекта «Бессмертный полк» показал, что в рассматриваемых нами регионах 9 Мая в действительности консолидирует граждан на почве общей исторической памяти.

Попытки поиска в политической жизни изучаемых регионов какой-либо «приграничной» специфики показали, что приграничное положение ни на деятельности политических организаций, ни в политическом сознании жителей никак не отображается. Так, во всех трёх регионах политические партии, представленные в законодательных органах, даже в своих предвыборных программах почти не ссылались на приграничное положение региона. Какие-либо специфически «приграничные» проблемы в публичном дискурсе почти не фигурируют. Если что и обсуждается в местных СМИ, включая и партийные, и «оппозиционные», то никак не вопросы, связанные с приграничным положением. Анализ обращений граждан, поступающих в партии или органы власти, также показывает, что основные вопросы, волнующие жителей данных регионов, такие же, как и в других частях страны: ЖКХ, пенсионное и медицинское обеспечение, недостаток рабочих мест. Более того, как можно судить по проведённым нами интервью, положение изучаемых регионов до сего дня не осознано их жителями на глубинном уровне как приграничное. И это при том, что мы проводили интервью с жителями не просто приграничных областей, но муниципальных образований, расположенных непосредственно у государственной границы! Конечно, жители понимают, что они живут вблизи другого государства, но почти не ощущают специфичности этого положения. Респонденты в пограничных районах Курской области (Рыльском и Суджанском) говорили, что ощутили «фактор границы» только в этом году, когда на Украине вспыхнул конфликт и возникли опасения, что военные действия могут докатиться и до них, как докатились до жителей Ростовской области. Можно было бы предположить, что Смоленская и Курская области граничат с Беларусью и Украиной, граница с которыми де-факто не демаркирована и почти не охраняется. Однако, в Псковской области, где граница с Эстонией и Латвией, входящими в ЕС и НАТО, чётко обозначена на местности и охраняется, мы наблюдали почти аналогичную картину. Историческое положение регионов как приграничных тоже, как видно, не играет существенной роли: и Смоленская область, и Псковская, которые были приграничными на протяжении веков, демонстрируют примерно такую же картину социально-политической ситуации, что и «глубинные» регионы страны. Более того, в Псковской области, которая в условиях нынешнего международного положения является едва ли не передовым рубежом, ощущение «оставленности» также присутствует. Так, многие жители области, и в числе их региональное руководство, всецело ориентированы на Санкт-Петербург,

Приграничное положение ни на деятельности политических организаций, ни в политическом сознании жителей никак не отображается.

словно бы уже и не рассчитывают на возможности развития своего региона. В других областях, как приграничных, так и «глубинных», мы такого не замечали.

Можно предположить, всё дело в том, что изученные нами три области во времена СССР приграничными не были, но всё-таки 23 года – достаточный срок, чтобы прочувствовать перемены. Кроме того, в Калининградской области¹, которая была пограничной и в СССР, ситуация весьма близка к описанной выше. Жители её, хотя и воспринимают свой регион как особенный, видят специфику не в приграничном положении, а в оторванности от «большой» России. Представляется, что основной причиной такой ситуации является отсутствие какой бы то ни было специфической «политики приграничья» у федерального центра на протяжении всего периода после распада СССР. Федеральное правительство не воспринимает приграничные регионы как зоны особого внимания, потому и на местах свою «особость» не ощущают. Однако в силу каких причин проблема особого статуса приграничных регионов не присутствует в публичном дискурсе и программах политических партий в самих этих регионах – вопрос, требующий дополнительного внимательного изучения. Пожалуй, единственной специфичной для приграничья чертой в социально-политической сфере, которую нам удалось выявить, является наличие трансграничных связей как на региональном, так и на муниципальном уровне, что было отмечено нами во всех рассматриваемых регионах.

В основном трансграничное сотрудничество осуществляется в рамках так называемых еврорегионов, идея которых была заимствована из Евросоюза. Еврорегионы объединяют две соседние области, расположенные в разных государствах. Так Курская область объединена с украинской Сумской областью в еврорегион «Ярославна»², Псковская область – с эстонскими уездами Тарту и Пыылва. В Смоленской области никакого еврорегиона нет, но там сотрудничество с Беларусью ведётся очень активно и без этого, и особенно интенсифицировалось после учреждения Таможенного союза и последовавшего за этим демонтажа КПП на границе. Трансграничное сотрудничество с Украиной в Курской области также велось весьма активно, но было прервано после произошедшего в Киеве переворота. Однако в случае Украины и Беларуси это сотрудничество с соседями не воспринимается как международное

¹ Калининградская обл. не была охвачена данным исследованием, но её мы имели возможность наблюдать ранее, в рамках проекта НИУ ВШЭ «Практика на Балтике».

² Назван так в честь княгини Евфросинии Ярославны, фигурирующей в «Слове о полку Игореве». В «Слове...» указано, что во время описываемых в тексте событий она находилась в г. Путивле, ныне расположенном в Сумской области близ границы с областью Курской.

и в политическую сферу (в узком смысле, как сферу электоральной борьбы) никак не проецируется. Оно охватывает прежде всего культурно-гуманитарную сферу. Так, в Смоленской области постоянно проводятся обменные выставки смоленских и белорусских художников, фольклорные фестивали, спортивные соревнования. Красненский район тесно сотрудничает с Дубровенским районом Могилёвской области Беларуси, делая это напрямую, без участия федеральных или областных властей. Причём сотрудничество это распространяется и на сельское хозяйство (например, районы во время уборки урожая оказывают друг другу помощь техникой).

В Курской области проводились мероприятия по культурному обмену с Украиной вплоть до весны 2014 г. В краеведческие музеи приграничных городов Суджи и Рыльска приезжали многочисленные экскурсии школьников из Сумской и Черниговской областей, даже из Киева. Также совместно с Православной Церковью и властями Сумской области организовывался крестный ход с почитаемой верующими иконой Богородицы из Горнальского монастыря в Курской области до украинского села Мирополье. И подобных акций во всех изученных регионах было множество.

Определённая специфика есть в Псковской области: межрегиональное трансграничное сотрудничество с эстонской стороны осуществляется в рамках программ Евросоюза. Псковские школьники, например, отправляются в поездки по Эстонии, многие отдыхают там в летних лагерях и т. п. Это финансируется и направляется из Брюсселя. Вследствие категорического неравенства возможностей одной области и Еврокомиссии в сотрудничестве возникает ресурсный дисбаланс, и оно из равноправного партнёрства (как в случаях с Беларусью и Украиной) превращается в канал определённого влияния. Можно думать, что это воздействие в гуманитарной сфере постепенно начинает проецироваться и в политику. Показательно, что именно в Псковской области на последних выборах в местный парламент прошёл кандидат от партии «Яблоко», единственной из выступавших на региональных выборах, которая чётко позиционирует себя как прозападная и выдвигает лозунг присоединения России к НАТО и ЕС.

Заключение

Разумеется, рассматриваемая нами здесь проблематика очень обширна, и даже схематичное её изложение требует гораздо большего объёма. Тем не менее, проведённое исследование, особенно в сопоставлении с итогами прошлогодних исследований в других регионах страны, позволяет сделать некоторые обобщения.

Первое. Политические партии и общественные движения в изученных регионах ведут весьма активную деятельность, однако в публичном пространстве представлены очень незначительно. И это вовсе не «зажим» со стороны властей: доминирующая «Единая Россия» также почти не замечена. Дело скорее в том, что существование локальностей определяется другими социальными силами.

Второе. В изученных регионах, как и в исследованных нами годом ранее регионах «глубинных», ведущую роль в жизни местных сообществ играют «локальные акторы». Электоральные достижения политических партий в большой степени связаны с привлечением их к партийной деятельности. Для партий же непарламентских участие локальных акторов является единственным основанием хотя бы минимального электорального успеха.

Третье. Во всех изученных регионах, даже в Псковской области, имеющей глубочайший исторический опыт существования в качестве приграничной территории, до настоящего дня положение региона не осознано на глубинном уровне как приграничное. В политическом сознании и политическом поведении жителей приграничное положение никак не отображается.

Четвёртое. Трансграничное сотрудничество на межрегиональном уровне последние годы шло весьма активно. Велась обширная работа в рамках так называемых «еврорегионов». Однако это сотрудничество в разных регионах носит различный характер.

В целом проведённое нами исследование показало, что социально-экономические, социально-политические и социокультурные характеристики приграничных регионов не позволяют говорить о «российском приграничье» как некоем особенном кластере. Хотя влияние приграничного расположения, несомненно, ощущается, в социальном плане оно не породило каких-либо специфических черт, характерных исключительно для приграничья. Наблюдаемые нами особенности каждого региона можно отнести скорее на счёт его собственной специфики, нежели специфики приграничья как такового. На наш взгляд, основной причиной этого является отсутствие на протяжении всего периода после распада СССР единой политики федерального центра в отношении приграничных регионов.

Пожалуй, только сейчас ситуация начинает изменяться: под воздействием возникшей в этом году напряжённости в международных отношениях, в первую очередь конфликта вокруг Украины, руководство страны, едва ли не впервые заговорило о проблемах, возникающих на границах страны [Путин 2014]. Хочется думать, что это не закончится одними разговорами и не выльется в очередную разовую кампанию, но приведёт к формированию устойчивой «приграничной политики»

Социально-экономические, социально-политические и социокультурные характеристики приграничных регионов не позволяют говорить о «российском приграничье» как некоем особенном кластере.

российского государства. Если это произойдёт, то можно будет сказать, что украинский кризис сыграл для нас и некоторую позитивную роль.

Библиографический список

Аксёнова О. В. 2013. Затерянный город: медийный конструкт и реальность // Вестник Института социологии. Сетевой научный журнал. № 7. С. 62–74 URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2013_7/Aksenova.pdf [Дата посещения: 29.10.14].

Подъячев К. В. 2013. Нижегородская область: индустриальный центр и хранитель ремёсел // Вестник Института социологии. Сетевой научный журнал. № 7. С. 75–90. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2013_7/Podychev.pdf [Дата посещения: 29.10.14].

Подъячев К. В. 2014. К вопросу о роли политических партий в системе государственного и муниципального управления в регионах России // Власть. № 10. С. 129–134.

Путин В. В. 2014. Выступление 31 октября 2014 года на встрече с российскими офицерами, назначенными на высшие командные должности // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/46904/print> [Дата посещения: 01.11.2014].

Штомпка П. 2009. В фокусе внимания повседневная жизнь: новый поворот в социологии // Социологические исследования. № 8. С. 3–13.

The Political Parties and Socio-political Development of Border Regions of Russia: The Experience of Direct Watch

Podyachev Cyril Victorovitch

Candidate of political sciences, researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: kirvik@bk.ru

Abstract. This article is based on the presentation of the results of a study conducted in May-July, 2014, in three border regions of Russia: Smolensk, Pskow and Kursk. The author focuses on the activities of the political parties and social movements of these regions, studies their communication with the regional and municipal authorities, and analyses either the political behaviour or the cross-border cooperation of the inhabitants. The main research methods used by the author were visual observation, in-depth interviews, analyses of normative documents and content-analysis of web sites and local media. The author demonstrates that the main factors that determinate the life of the local communities are local actors – reputable local persons whose activities generally are not directly related to politics. However, as the author demonstrates, the success of any political party during elections is strongly determined by the participation of these local actors in the activities of political parties. One can see the same situation when active political parties and social movements are very slightly presented in the public space. According to the author, local actors who provide the electoral result to the parties use the parties in their own interests and do not spend time

campaigning for the party after the election campaigns are finished. The author draws attention to the fact that the image of the province generated by the national media and the blogosphere is not correlated with the actual situation. For example, despite the lack of financial resources, one can find a very active social life in the regional centres, in the regional district centres and villages. However, this activity used to be directed not to the political but to the cultural and educational sphere. The author also discusses the features of cross-border regional cooperation. According to the study, the author concludes that it is difficult to talk today about the existence of a Russian frontier as a special cluster: the border status is still not accepted by the residents and is not displayed in their political behaviour.

Keywords: Russia, the border regions, political science, political sociology, political parties, civil society, cross-border cooperation, local community.

References

Aksenova O. V. Zateriannyi gorod: medijny konstrukt i real'nost' [Lost City: Media Construct and Reality] – Vestnik Instituta sotziologii, 2013, No. 7, pp. 62–74 URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2013_7/Aksenova.pdf [date of visit 29.10.14].

Podyachev K. V. Nizhegorodskaja oblast': industrial'ny centr i hranitel' remiosel [Nizhni Novgorod Region: Industrial Center and Keeper of Crafts] – Vestnik Instituta sotziologii, 2013, No. 7, pp. 75–90. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2013_7/Podychev.pdf [date of visit 29.10.14].

Podyachev K. V. K voprosu o roli politicheskikh partiy v sisteme gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija v regionakh Rossii [The Role of Political Parties in the State and Municipal Government in the Russian Regions] – Vlast', 2014, no10, pp. 129–134.

Putin V. V. Vystuplenie 31 .10. 2014 na vstreche s rossijskimi oficerami, naznachennymi na vysshie komandnye dolzhnosti [Speech of October 31, 2014 at a Meeting with Russian Officers in Senior Command positions] – Officialnyi website President`a RF. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/46904/print> [date of visit 01.11.2014].

Sztompka P. V fokuse vnimanija povsednevnaia zhizn': novy povorot v sotziologii [Daily Life is in Focus: a New Turn in Sociology] – Sotziologicheskie issledovaniia, 2009, No. 8, pp. 3–13.